

Директоръ Скопинскаго Банка Рыковъ въ роли владѣтельнаго герцога г. Скопина.

(Изъ записокъ А. В. Селиванова).

Въ концѣ 1875 года я былъ назначенъ въ г. Скопинъ младшимъ помощникомъ акцизнаго надзирателя. Хотя я переѣхалъ изъ губернскаго города, но тѣмъ не менѣе Скопинъ не произвелъ на меня того дурнаго впечатлѣнія, которое обыкновенно производятъ уѣздные города на всякаго свѣжаго человѣка. Напротивъ, онъ мнѣ понравился. Можетъ быть этому выгодному для города впечатлѣнію способствовало то обстоятельство, что незадолго до моего назначенія въ Скопинъ я нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Данковѣ. Конечно, его и сравнивать нельзя было съ Скопиномъ. Надо замѣтить и то, что городъ Скопинъ въ тѣ времена выглядывалъ даже лучше, чѣмъ теперь, спустя почти 35 лѣтъ. Это кажется удивительнымъ, но это фактъ. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что тогда не было керосинокалильнаго освѣщенія, этого единственнаго признака достигнутаго прогресса въ благоустройствѣ города за весь указанный періодъ. Во всемъ остальномъ Скопинъ отличался отъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Рязанской губерніи главнымъ образомъ своимъ порядкомъ и чистотою. Этотъ городъ былъ обязанъ, какъ мнѣ говорили тогда, директору Скопинскаго Банка Рыкову, который очень слѣдилъ, чтобы городъ выглядывалъ прилично и благоустройно.

Въ то время Иванъ Гавриловичъ Рыковъ представлялъ собою какъ бы владѣтельнаго герцога, или генеральнаго губернатора, облеченнаго исключительною властію надъ всѣми Скопинскими обывателями. Для характеристики его значенія я приведу здѣсь показаніе моего товарища по службѣ, Федора Федоровича Альбанова, бывшаго въ то время старшимъ помощникомъ акцизнаго надзирателя. Показаніе это, данное имъ судебному слѣдователю въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ банкѣ, я выписываю изъ рѣдчайшаго изданія подъ заглавіемъ „Предварительное слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ Городскомъ Общественномъ Банкѣ“, напечатаннаго въ количествѣ не болѣе 70 экземпляровъ въ 2-хъ томахъ въ 1883 году.

тѣмъ. Вотъ что показывалъ Альбановъ: Рыковъ въ Скопѣ игралъ такую роль, что предъ нимъ преклонялось почти все и все. Это объясняется, конечно, по большей части тѣмъ, что, раздавъ подъ векселя банковскія деньги, онъ тѣмъ самымъ уже забралъ всѣхъ въ свои руки и могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Это былъ его обыкновенный пріемъ, котораго въ первое время, когда еще много было денегъ въ Банкѣ, онъ постоянно держался: кто самъ не рѣшался брать, тому онъ предлагалъ, а въ некоторымъ даже и навязывалъ. Такъ, онъ неоднократно и мнѣ (Альбанову) предлагалъ деньги, совѣтуя сдѣлаться нотаріусомъ въ Тамбовѣ и обѣщая для этого содѣйствіе бывшего прокурора Рязанскаго Окружнаго Суда Жихарева; но, зная хорошо Рыкова и потому не желая стать отъ него въ зависимое положеніе, я отъ этого отказался.

Такимъ образомъ большинство подчинялось ему въ силу денежныхъ отношеній; нѣкоторые чиновники и духовенство потому, что видѣли въ немъ человека съ большими связями, а на массу, кромѣ всего этого, сильно вліялъ еще и его, увѣнчанный орденами, золотой мундиръ Человѣколюбиваго Общества, а также и телеграммы, которыми онъ обмѣнивался иногда съ высокопоставленными лицами по поводу разныхъ выдающихся событій. Телеграммы эти обыкновенно печатались въ Скопинской типографіи и затѣмъ для всеобщаго свѣдѣнія клались на столахъ въ библіотекѣ. При обыскѣ у Рыкова найдены были телеграммы за подписью высочайшихъ особъ, начиная съ наследника цесаревича, въ послѣдствіи императора Александра III-го, и кончая великихъ князей Николая и Константина Николаевичей, великой княгини Елены Павловны и другихъ, также письма за подписью уполномоченныхъ многихъ высочайшихъ особъ, большую часть заключающія въ себѣ благодарности за поздравленія и пожертвованія.

Первое время находились еще такіе неосторожные должники, которые позволяли себѣ иногда рѣзкія сужденія о Рыковѣ, но, послѣ того, какъ онъ выдержалъ за это въ тюрьмѣ Скопинскаго мѣстачина Александра Михайлова Дьяконова и совершенно разорилъ его, такая охота конечно уже пропала и объ Рыковѣ свободно могли говорить только тѣ, кто не былъ долженъ Банку; а такихъ было немного. Отъ зависимости Рыкова не были свободны даже и члены мировой юстиціи и мѣстной полиціи. Такъ, покойный мировой судья Александровскій, оставшійся послѣ своей смерти должнымъ Банку около 100 тысячъ рублею, въ кружкѣ порядочныхъ людей считался способнымъ на

всякое дѣло въ угоду Рыкову. Довозательствомъ этого отчасти можетъ служить слѣдующее. Лѣтъ десять тому назадъ въ судебномъ отдѣленіи Банка служилъ вѣкъ Соколовъ. Какъ-то разъ, гуляя въ городскомъ саду и не замѣчая Рыкова, оный позволилъ себѣ насвистывать, а затѣмъ, при объясненіи съ нимъ по этому поводу, держалъ себя довольно независимо и Рыковъ вздумалъ проучить его за это. Отъ Соколова такъ какъ оный былъ долженъ 600 рублей Банку, то вексель его тотчасъ же былъ представленъ къ Александровскому, бывшему тогда мировымъ судьей) участка, т. е. по городу, Скобину. Не думая долго, Александровскій для разбирательства по этому дѣлу подвергъ его *приводу чрезъ полицію* и затѣмъ, такъ какъ Соколову нечѣмъ было заплатить, председатель сѣзда, пользуясь своимъ положеніемъ, потребовалъ отъ тогдашняго судебного пристава Товкачева, чтобы оный немедленно же произвелъ опись движимаго имущества должника. Опись была произведена въ его квартирѣ, въ домѣ Павла Абрамовича Врежнева, и такъ какъ движимаго имущества не хватило на уплату долга, то бланконадписатель, уплативъ долгъ Банку, представилъ кормовья, получилъ исполнительный листъ на личное задержаніе и посадилъ въ тюрьму. Черезъ три дня оный былъ выпущенъ и отправленъ въ Москву. Тотъ же Александровскій въ угоду Рыкову приговорилъ разъ къ тюремному заключенію агента Козловско-Тамбовской или Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги, хорошо не помню, — Облова, несогласившагося принимать отъ Рыкова уголь для дороги, не сортируя его. Дѣло было такъ. Обловъ остановился во 2-мъ этажѣ дома, гдѣ помѣщалась тогда контора правленія Общества Каменноугольной Промышленности. Послѣ обѣда, лѣтомъ, оный легъ спать, а сторожъ, заперевъ снаружи дверь, выходившую изъ дома на галерею, поставилъ около тесовой перегородки самоваръ и самъ ушелъ. Вскорѣ отъ самовара загорѣлась галерея и произошелъ пожаръ, который былъ вскоре потушенъ, но благодаря тому только, что на крикъ въ окно проснувшася отъ дыма Облова съжался народъ, который освободилъ и его самого, хотя каждому было ясно, что виновать во всемъ былъ сторожъ, а не Обловъ, тѣмъ не менѣе однако, чтобы сдѣлать его болѣе податливымъ и заставить принимать вмѣсто угля даже черную глину, тогдашній исправникъ Кобеляцкій составилъ актъ, обвиняя Облова въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, а Александровскій призналъ обвиненіе доказаннымъ и приговорилъ къ тюремному заключенію.

На Създѣ рѣшеніе это, правда, благодаря страстной рѣчи товарища прокурора И. Н. Тимофѣева, хорошо знавшаго всю подкладку этого дѣла, было отмѣнено, но тѣмъ не менѣе фактъ говорить за себя. Это было кажется въ 71 или въ 72 году. Что касается до тогдашней полиціи, то съ нею Рыковъ уже совсѣмъ не церемонился и бывшаго тогда исправника Кобеляцкаго настолько третировалъ, что тотъ не пользовался въ глазахъ гражданъ никакимъ значеніемъ. Такъ, когда Кобеляцкій запретилъ, напримѣръ, купцу Ивану Андреевичу Черкасову возводить какую то пристройку при его домѣ на Вознесенской площади, считая ее неправильной, то тотъ пошелъ на него съ жалобой къ Рыкову, а Рыковъ отмѣнилъ это распоряженіе, написавъ, впрочемъ, Кобеляцкому письмо. Разговаривали даже, что во время пожара на крышѣ Никольской церкви въ 1871 году, Рыковъ при всѣхъ обругалъ Кобеляцкаго за то, что пожарные не такъ скоро подавали воду, какъ бы это ему было желательно. Такъ же, какъ и Александровскій, Кобеляцкій былъ готовъ на все для Рыкова. Когда Рыковъ, разсердившись вслѣдствіе какихъ то сплетней на бывшаго уѣзднымъ врачомъ въ Скопинѣ, лекаря К. Н. Битнаго-Шляхто*), вздумалъ выжить изъ Скопина не только его самого но даже и хорошую знакомую его земскую акушерку Рамбахъ, то Кобеляцкій, какъ тогда говорили, по требованію Рыкова, сообщилъ куда слѣдуетъ о Битномъ, какъ о человѣкѣ политически неблагонадежномъ, и его перевели въ Касимовъ, не смотря на то, что въ то же время общество хлопотало о наградѣ для Битнаго-Шляхто за его въ высшей степени гуманное и добросовѣстное отношеніе къ больнымъ вообще, а въ особенности во время холеры 1871 года. Дѣйствительно, Битный-Шляхто былъ прекрасный врачъ, всегда добросовѣстно относился къ своему дѣлу, а во время холеры 1871 года просто не щадилъ самого себя, и потому утрата его для Скопинскихъ гражданъ была очень чувствительна. О существованіи этого доноса передавалъ мнѣ, говорилъ Альбановъ, и самъ Битный. Бывши въ Скопинѣ 4 года тому назадъ, и принимая въ соображеніе нравственные качества Рыкова и Кобеляцкаго, я вполне этому довѣряю. Хорошо еще, что такъ легко отдѣлался. Что касается до Рамбахъ, то выжить ее изъ Скопина, конечно, уже не представляло никакого труда для Рыкова. Земство отказало

*) По показанію бывшаго писмоводителя Рыкова г. Шестова, по городу пошли слухи, что Битный-Шляхто находится въ близкихъ отношеніяхъ съ женою Рыкова.

отъ мѣста, а гражданамъ былъ отданъ приказъ не приглашать ее къ себѣ, и дѣлу конецъ. Что касается до вліянія Рыкова на дѣателей городского самоуправленія, то объ нихъ можно смѣло сказать, что они не выбирались обществомъ, а прямо назначались Рыковымъ. Такъ какъ массу избирателей по Городовому Положенію составляли купцы и мѣщане, которые за исключеніемъ весьма немногихъ, были должны Банку и такъ или иначе зависѣли отъ Рыкова, то въ Думу, а затѣмъ и въ самую Управу попадали всегда только люди, заранѣе уже внесенные Рыковымъ въ списокъ. Для этого обыкновенно за нѣсколько недѣль до выборовъ начинали уже вліять на избирателей, — на однихъ посредствомъ подговора, на другихъ посредствомъ обѣщаній и дарового угощенія водкой. Для этого Рыковымъ употреблялись особые агенты, которые служили такъ усердно, что одинъ изъ нихъ, Скопинскій купецъ Александръ Лукинъ Афанасовъ, даже умеръ отъ постоянныхъ попойекъ съ избирателями. Собственно говоря, никакой Думы не существовало, а была воля одного Рыкова. Вся роль гласныхъ, за исключеніемъ 5—6 человекъ да и то послѣдняго времени, состояла въ томъ только, чтобы безпрекословно слушаться Рыкова, утверждать банковскіе отчеты, не повѣряя ихъ, и отстаивать Банкъ отъ всякихъ посягательствъ прекратить, наконецъ, совершившійся въ немъ наглый грабежъ. Всѣ протоколы думскихъ засѣданій составлялись уже заранѣе и гласнымъ только предоставлялось подписывать ихъ безъ возраженій. Выѣшивался ли Рыковъ далѣе въ частную жизнь обывателей вообще — мы ничего не извѣстно; въ жизнь же служащихъ въ Банкѣ выѣшивался постоянно; такъ напримѣръ: онъ запретилъ бывшему бухгалтеру Губину бывать у кунца С. С. Попова, пока состоялъ съ нимъ во враждѣ, выгвалъ изъ Банка чиновника Попова за то, что тотъ осмѣлился безъ позволенія Рыкова играть въ любительскомъ спектаклѣ, а у Швецова за тоже самое значительно убавилъ жалованье, такъ что сравнивалъ его съ писцами; наконецъ, разсердившись на Павла Абрамовича Брежнева, у котораго въ домѣ жили многіе изъ банковскихъ, приказалъ имъ немедленно оставить квартиру Брежневыхъ, что и было исполнено.

Въ семейной жизни Рыковъ, какъ это казалось каждому, кто только бывалъ у него, вѣроятно былъ невыносимъ. Между ними и остальными членами семьи ничего не было общаго. Хотя и въ одномъ домѣ, но они жили какъ бы въ разныхъ; онъ самъ по себѣ они сами посебѣ. За исключеніемъ Рождества и Пасхи, когда за отсутствіемъ Рыкова, его жена

обязательно принимала прїѣзжавшихъ съ визитомъ, она никогда не показывалась въ гостинной, когда кто нибудь бывалъ у него. Даже на обѣдахъ, дававшихся Рыковымъ по разнымъ случаямъ, жена и остальные члены семьи не принимали участія, такъ что когда она была на обѣдѣ, данномъ Рыковымъ по случаю открытія бесплатной больницы, то объ этомъ говорили заранее, какъ о чемъ то необыкновенномъ. Къ служащимъ въ Банкѣ и у него самого, а также и къ другимъ лицамъ, поставленнымъ въ зависимости отъ него, Рыковъ относился такъ, какъ развѣ еще какой нибудь восточный деспотъ можетъ относиться къ своимъ подданнымъ. Для него ничего не стоило, напримѣръ, заставлять лицъ, имѣющихъ въ немъ надобность, высиживать въ его передней по нѣсколькx дней съ утра и до вечера. Служащіе же Банка, въ особенности въ первое время, явившись утромъ по его зову и получивъ въ отвѣтъ: „пускай подождетъ“ зачастую отправлялись локой только тогда, когда онъ уходилъ уже спать, даже и не узнавъ, для чего ихъ приглашали. Вообще онъ былъ какой то невозможный деспотъ и самодуръ“. Вотъ еще показаніе его письмоводителя Шестова: „Прослужа у Рыкова столько времени (въ теченіе 9 лѣтъ) я могу сказать, что характеръ его на столько суровъ, на столько капризенъ, что только человѣкъ, привыкшій къ нему съ малолѣтства и притерпѣвшійся такимъ образомъ, можетъ вынести его, а свѣжій человѣкъ, по моему мнѣнію, не могъ бы вынести этихъ грубостей, суровости, капризовъ. Помню, что когда я еще служилъ въ библіотекѣ, былъ еще мальчикомъ лѣтъ 14—15, Рыковъ однажды вечеромъ зимой, во время мятели, послалъ меня за какими то пустяками въ Духовъ монастырь, находившійся верстахъ въ трехъ отъ города Скопина, я насилу дошелъ туда тѣмъ болѣе, что не имѣлъ теплой одежды, едва не замеръ на дорогѣ. Благодаря добротѣ настоятеля монастыря, я обратно въ городъ Скопинъ былъ доставленъ на лошади. По возвращеніи, я нѣсколько времени былъ болѣнъ, а Рыковъ не только не почувствовалъ ко мнѣ жалости, наоборотъ онъ былъ не доволенъ мной и ругалъ за то, что будто бы я долго ходилъ и не скоро возвратился“ (Ibid. часть 1-ая страница 201).

„Общественная и банковская дѣятельность Рыкова сообщаетъ далѣе Альбановъ, достаточно извѣстны и говорить объ нихъ мнѣ кажется нечего, скажу только, что еще въ 1868 году многіе изъ скопинскихъ гражданъ знали очень хорошо, что Рыковъ такъ ведетъ банковское дѣло, что въ концѣ—концовъ оно закончится крахомъ, —

о чемъ и доносили тогдашнему рязанскому губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву и министру финансовъ Рейтерну, просилихъ вмѣшаться въ это дѣло; но просьбы эти послужили только въ пользу Рыкову, такъ какъ изъ того, что по нимъ ровно ничего не было сдѣлано, онъ и вся его партія убѣдились окончательно, что могутъ безнаказанно обворовывать довѣрчивыхъ вкладчиковъ. Съ этого то времени началось расхищеніе банковскихъ суммъ, Рыковъ сорилъ деньгами, какъ щепками.

Для него ничего не стоило, напримѣръ, бросить 3—4 тысячи на иллюминацію Никольской церкви въ день Пасхи, столько же почти на устройство гулянья въ городскомъ саду въ пользу бѣдныхъ, давшего конечно дефицитъ,— по нѣскольку разъ передѣлывать одно и то же въ той же церкви Никольской, гдѣ онъ былъ старостою, и въ своемъ собственномъ домѣ задавать лукуловскіе вечера по случаю выдачи въ замужество своихъ дочерей и прочее. (Ibid. ч. 2-я стр. 326—330).

На сколько все скопинское общество, не говоря уже о горожанамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. о купцахъ и мѣщанахъ, но разумѣя подъ словомъ общество главнымъ образомъ служащихъ въ различныхъ вѣдомствахъ—находилось въ какой то чуть ли не рабской зависимости отъ Рыкова—я самъ убѣдился вскорѣ послѣ своего прибытія въ Скопинъ. Въ Скопинѣ въ то время не было клуба, а можетъ быть онъ и существовалъ когда нибудь раньше, но затѣмъ распался и вотъ въ средѣ чиновниковъ возникла мысль основать, или возобновить—хорошо теперь не помню городской клубъ. Съ этою цѣлью собралась довольно большая компанія учредителей, въ числѣ которыхъ были представители почти всѣхъ вѣдомствъ, начиная отъ судейскихъ и кончая общественныхъ учрежденій и полиціи. Предсѣдателемъ учредительнаго собранія для выработки и утвержденія устава былъ избранъ мировой судья Александровскій, что которому упоминаетъ въ своемъ показаніи слѣдователю Ф. Ф. Альбановъ,

Когда со всѣми вопросами было покончено и произведены были выборы должностныхъ лицъ, т. е. старшинъ клуба, распорядителя и другихъ, то предсѣдатель встаетъ и дѣлаетъ такое предложеніе: угодно ли будетъ собранію просить Ивана Гавриловича Рыкова принять званіе почетнаго члена клуба? Раздались шумные голоса: угодно! угодно!.... Александровскій уже хотѣлъ признать постановленіе объ избраніи Рыкова въ почетные члены состоявшимся и считать его изъ

бравнымъ всѣми членами единогласно, но меня это страшно взорвало. Я былъ настолько молодъ и неопытенъ, что не могъ къ такому обычно практикующемуся во многихъ провинціальныхъ собраніяхъ приему, такъ сказать, фальсификаціи свободныхъ выборовъ отнестись спокойно и заявилъ, что было бы правильнѣе сдѣлать подсчетъ голосовъ, хотя бы путемъ вставанья. Многие стали мнѣ возражать, находя подсчетъ голосовъ излишнимъ. Но предсѣдатель, конечно увѣренный въ единогласномъ вотумѣ всѣхъ присутствовавшихъ въ собраніи, нашелъ возможнымъ исполнить мое желаніе и, предложивъ всѣмъ сѣсть, объявилъ: „желающіе просить И. Г. Рыкова принять званіе почетнаго члена клуба благоволятъ сидѣть, не желающіе пусть встануть“. Я посмотрѣлъ кругомъ—всѣ точно присосли къ стульямъ.

Я одинъ всталъ, чѣмъ вызвалъ общее неудовольствіе. Однимъ мое поведеніе показалось болѣе чѣмъ дерзкимъ, а другіе, впрочемъ, изъ числа меньшинства участвующихъ въ этомъ собраніи почувствовали себя въ очень неловкомъ положеніи: будучи солидарны со мною въ оцѣнки личности Рыкова, тѣмъ не менѣе не рѣшались ко мнѣ присоединиться изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе со стороны Рыкова со всѣми связанными съ этимъ возможными послѣдствіями. Тутъ я впервые понялъ, какое значеніе имѣетъ русская пословица „одинъ въ полѣ не воинъ“. Много лѣтъ спустя при иныхъ условіяхъ и въ другомъ мѣстѣ со мною повторился аналогичный случай, когда въ большомъ собраніи мнѣ пришлось заявлять предсѣдателю, что я остаюсь одинъ при особомъ мнѣніи и просилъ это мое заявленіе внести въ протоколь.

Изъ всего состава чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, находившихся въ описываемое время въ Скупицѣ, наибольшую самостоятельность по отношенію къ Рыкову отличались чины акцизнаго вѣдомства, составъ которыхъ въ Рязанской губерніи въ тѣ времена былъ вообще весьма удаченъ, что объясняется съ одной стороны личностью тогдашняго управляющаго акцизными сборами А. А. Ральгина, заявившаго себя давно какъ человѣка въ высшей степени благороднаго (когда онъ еще ранѣе до акцизной реформы былъ губернскимъ прокуроромъ его называли рыцаремъ чести), а съ другой тѣмъ, что на акцизную службу въ то время, вслѣдствіе довольно значительныхъ окладовъ получаемаго вознагражденія, шли люди большою частью съ высшимъ образованіемъ, или же очень хорошо извѣстные Ральгину по своимъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ.

Разумѣтся бывали и въ то время, какъ и всегда исключенія изъ общаго правила. Въ Скопинѣ тогда акцизнымъ надзирателемъ былъ Иванъ Федоровичъ Микулинъ. Это былъ человекъ очень порядочный, замѣчательно тактичный и разумѣтся совершенно не подкупный. Но онъ держался золотого правила, которое можетъ быть формулировано пословицей „моя хата съ края“, почему старался какъ можно менѣе сталкиваться не только съ Рыковымъ, но и вообще съ тѣмъ бы то было изъ общества, хотя со стороны любилъ наблюдать за тѣмъ, что тогда творилось въ Скопинѣ и былъ въ курсѣ всѣхъ событій внутренней скопинской политики. Тѣмъ не менѣе и ему пришлось волей-неволей отступить отъ своего правила и отчасти вмѣшаться въ дѣло, имѣвшее прямое отношеніе къ рыковскимъ безобразіямъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому инциденту, я долженъ коснуться исторіи каменноугольной разработки, предпринятой Рыковымъ въ дѣляхъ поддержанія пошатнувшагося Городского Банка. Вотъ что рассказываетъ мѣщанинъ Ал. Ник. Губинъ, бывшій помощникомъ бухгалтера въ Скопинскомъ Банкѣ и служившій въ каменно-угольной конторѣ Рыкова. „По поводу раскопки каменнаго угля на павелецкихъ кояхъ, показываетъ онъ Слѣдователю, мнѣ извѣстно, что первоначально это предпріятіе началъ Монгольдъ. Рыковъ узнавъ объ этомъ и услышавъ отъ инженеровъ Иорданъ и Кочаржинскаго, будто въ Павелецѣ заключаются громадныя богатства, успѣлъ отстранить Монгольда отъ предпріятія, давъ ему значительную сумму отхода, и началъ вести дѣло самъ съ компаніономъ своимъ Вернардомъ.

Кочаржинскому было положено жалованья 5000 рублей въ годъ, кромѣ того развѣдныя деньги и плата съ каждаго пуда, добытаго угля, такъ что Кочаржинскій, пріѣхавъ въ Скопинъ ничего не имѣющимъ, голякомъ, нажилъ здѣсь отъ Рыкова большія деньги и впоследствии купилъ имѣніе. На земляхъ близъ селенія Павелець были заложены три шахты, изъ которыхъ и добывался уголь. Уголь этотъ былъ довольно плохого качества и хотя находилъ себѣ сбытъ на желѣзныя дороги, но съ большимъ трудомъ, такъ какъ очень много угля браковалось тѣмъ болѣе, что онъ не сортировался. При Кочаржинскомъ на кояхъ былъ весьма знающій штегеръ, онъ своевременно производилъ развѣдки; но развѣдки эти приводили къ убѣжденію, что угля на Павелецкихъ рудникахъ мало. Вообще я убѣжденъ, что Рыковъ былъ введенъ въ заблужденіе инженерами Иорданъ и Кочаржинскимъ и полагалъ, что въ павелецкомъ рудникѣ находится до-

80 миллионъ пудовъ угля. Вслѣдствіе этого Рыковъ настаивалъ, чтобы добыча была доведена до 250000 пудовъ въ сутки; штегеръ объяснилъ, что отъ добывать столько угля не берется, за что и былъ разочтень Рыковымъ. Кочаржинскій, достаточно нажившись, также уволился. Тогда Рыковъ отправилъ меня вмѣстѣ съ Бернардомъ за границу нанять тамъ самаго лучшаго и опытнаго штегера и въ то же время далъ намъ образцы павелецкаго угля и угольной пыли для анализа самаго угля и для рѣшенія вопроса о томъ, возможно ли съ выгодой прессовать угольную пыль. Но произведеннымъ анализамъ какъ пыли, такъ и самаго угля оказалось, что уголь плохого качества; что же касается пыли, то прессовка ея будетъ такъ дорога, что не окупится послѣдующей продажей. Опытный штегеръ за границей просилъ жалованье 5000 руб. въ годъ, а такъ какъ мнѣ, со словъ прежде работавшаго на копахъ штегера было извѣстно, что уголь въ Павельцѣ изсякаетъ, то, по соглашенію съ Бернардомъ, мы рѣшились нанять штегера подешевле, и наняли такового за 150 рублей въ мѣсяцъ. Работы возобновились, но угля становилось все меньше: наконецъ три заложеныя въ Павельцахъ шахты были окончательно выработаны, уголь изсякъ окончательно, а по произведеннымъ развѣдкамъ въ другихъ мѣстахъ этого района угля не оказалось вовсе. Правда, еще раньше были заложены шахты въ Сѣкеринѣ, но тамъ уголь оказался уже совершенно не годнымъ, такъ что копать было рѣшительно невыгодно. Вслѣдствіе этого Рыковъ долженъ былъ прекратить раскопку. Въ 1876 году работы были окончены. По слуху убытка отъ этого предпріятія Рыковъ понесъ до 700000 рублей. Самъ Рыковъ въ своемъ показаніи по этому поводу считаетъ, что понесъ убытку отъ каменноугольнаго предпріятія до 1 миллиона руб. Всего угля изъ Павельца было добыто, не болѣе 2.000.000 пудовъ". (Ibid. часть 1-я стр. 127—28). Дальнѣйшая исторія каменноугольной разработки по словамъ другого свидѣтеля, хорошо знакомаго съ этимъ дѣломъ, а именно Ф. Ф. Кичкина была такая: „неизвѣстно почему Рыкову и его сотоварищамъ пришла мысль составить для начатаго ими предпріятія акціонерное товарищество. Не помню, говорить Кочкинъ, въ какомъ именно году, а кажется въ 1872-мъ получаю я въ Скопинѣ отъ Рыкова или отъ Бернарда телеграмму, вызывающую меня въ Петербургъ. Отправляюсь въ Петербургъ; тамъ Рыковъ и Бернардъ объявляютъ мнѣ, что для каменноугольнаго предпріятія они учреждаютъ акціонерное товарищество, уставъ котораго уже утверж-

день и просать меня, какъ человѣка всегда интересовавшагося каменноугольнымъ дѣломъ и нѣсколько въ немъ свѣдующаго, принять участіе въ этотъ товариществѣ.

Я говорю, что у меня нѣтъ денегъ на покупку акцій. Мнѣ отвѣчаютъ, что одинъ изъ учредителей г. Вахтеръ, онъ же и директоръ Правленія Общества, не можетъ выѣзжать изъ Петербурга и лично принимать участіе въ дѣлахъ его, вслѣдствіе чего изъ числа акцій, падающихъ на долю Вахтера 40 штукъ будетъ описано на меня, а храниться онѣ будутъ въ Правленіи Общества, а же вмѣстѣ съ тѣмъ получу званіе кандидата директора. На этихъ условіяхъ я согласился вступить въ Общество. Послѣ изъявленія мною на это согласія, я тотчасъ же получилъ слѣдующее порученіе: Рыковъ и Бернардъ объявили мнѣ, что деньги, вырученныя отъ реализаціи акцій, въ количествѣ 750000 рублей металлическихъ и 870000 кредитныхъ руб. уже отправлены на храненіе или на текущій счетъ въ Скопинскій Банкъ, а я по порученію Правленія Общества, какъ кандидатъ директора долженъ получить эти деньги изъ Банка и передать ихъ довѣренному отъ учредителей Общества лицу, которое выдастъ мнѣ квитанцію въ полученіи отъ меня этихъ денегъ. Собственно говоря, я долженъ былъ расписаться въ книгахъ Скопинскаго Банка въ полученіи отсюда 870000 рублей и затѣмъ отъ довѣреннаго Правленія получить квитанцію въ передачѣ ему этихъ денегъ; кто былъ тотъ довѣренный я неупомяну; но дѣйствительно, по прибытіи въ Скопинъ, я въ книгахъ Банка расписался въ полученіи отсюда 870000 рублей денегъ, принадлежащихъ Обществу Каменноугольной Промышленности, но денегъ этихъ я не получалъ и были ли онѣ туда положены—не знаю. Одновременно съ этимъ я получилъ отъ вышесказаннаго довѣреннаго квитанцію въ томъ, что передалъ ему эти деньги. Только около года служилъ я Обществу Каменноугольной Промышленности въ качествѣ кандидата директора и затѣмъ вышелъ, потому что Вахтеръ, котораго я отчасти замѣнялъ собою, также распродалъ свои акціи и пересталъ состоять въ числѣ акціонеровъ. (Ibidъ часть II-ая страницъ 424—426).

Товарищество для разработки каменнаго угля носило названіе Павелецкаго Общества Каменноугольной Промышленности Московскаго Бассейна. Обществу согласно уставу было разрѣшено выпустить на 1500000 рублей акцій и облигацій, но все онѣ такъ и остались въ рукахъ учредителей, хотя въ годовыхъ отчетахъ о дѣятельности этого

Общества, представлявшихся подставнымъ акціонерамъ и показывались громадные барыши. По книгамъ Скопинскаго Банка, какъ мы уже знаемъ изъ показанія Кичкина, онѣ показаны реализованными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ представляли собою одну макулатуру, хранившуюся въ кладовой Банка. Въ 75 и 76 году уголь совсѣмъ изсякъ, лѣсъ въ шахтахъ былъ разобранъ и всѣ работы прекращены. Тогда Рыковъ придумалъ слѣдующій фортель. Онъ рѣшилъ добиться въ Министерствѣ Финансовъ разрѣшенія принимать акціи Общества въ залогъ по разсрочкѣ акциза за вино и соль и по разнымъ подрядамъ и поставкамъ—и дѣйствительно, благодаря своимъ связямъ въ петербургскихъ вліятельныхъ кружкахъ добился такого разрѣшенія, но воспользоваться имъ не успѣлъ. На пути ему встрѣтилось препятствіе со стороны лицъ, отъ которыхъ онъ вовсе не ожидалъ себѣ какой либо болѣе или менѣе серьезной неприятели. Я уже говорилъ, что акцизный надзиратель Микулинъ былъ человекъ очень осторожный и эта осторожность въ иныхъ случаяхъ доходила до трусливости. Зная значеніе Рыкова вообще и находимую имъ поддержку у людей высокопоставленныхъ, онъ и въ мысляхъ не имѣлъ вступить съ нимъ въ какую либо борьбу. А здѣсь волей—не волей ему надо было что либо предпринять. Молчать и держаться совершенно въ сторонѣ было нечестно, да и опасно. А вдругъ его непосредственное начальство запроситъ и скажетъ: что же вы молчали, зная положеніе дѣлъ? Убытокъ для казны въ случаѣ осуществленія рыковской выдумки т. е. сбыта каменноугольныхъ акцій въ казну въ залогъ по разсрочкѣ акциза за спиртъ—былъ немалымъ. Стало быть надо было сообщить по начальству, что акціи Общества никакой цѣнности не имѣютъ, а стало быть необходимо, чтобы уже состоявшееся по Министерству Финансовъ распоряженіе и опубликованное въ правительственныхъ изданіяхъ было взято обратно. Федоръ Федоровичъ Альбановъ и я настаивали, чтобы Микулинъ обо всемъ официально донесъ Управленію Акцизными Сборами, но тотъ не рѣшался и даже предлагалъ мнѣ это сдѣлать во время отсутствія Микулина, когда я, что бывало нерѣдко, исправлялъ его должность. И лишь послѣ того, какъ я частнымъ письмомъ написалъ объ этомъ Ал. Аф. Фотіеву, бывшему въ то время бухгалтеромъ въ Губернскомъ Акцизномъ Управленіи и отъ него вскорѣ послѣдовала отвѣтъ, что Ральгинъ ждетъ официалаго донесенія отъ Микулина—послѣднему ничего не оставалось, какъ доложить А. А. Ральгину. Колѣванія Микулина по мимо того обычной осторожности объ-

являются въ то время весьма распространеннымъ мнѣніемъ, что Министръ Финансовъ умышленно поддерживалъ Банкъ, боясь легкаго крушенія, могущаго повести къ общему финансовому кризису. Говорили, что Министръ, отказавъ Коммерческому Ссудному Банку въ своевременной помощи и допустивъ его паденіе, вскорѣ спохватился и очень сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ казнь пришлось понести большіе убытки отъ паденія 0/0 бумагъ. Отъ краха Скопинскаго Банка ожидалась общая паника, могущая привести къ краху и другіе банки. По полученіи донесенія отъ Микулина, Управление Акцизными Сборами немедленно же для провѣрки донесенія прислало въ Скопинъ ревизора Хросцицкаго, который нарочно ѣздилъ въ Пивельцы, чтобы убедиться, въ какомъ положеніи находится каменноугольная разработка. Разумѣется все нами сообщенное подтвердилось. Ральгинъ написалъ или телеграфировалъ — хорошо не помню въ Министерство и послѣднее телеграммою дало знать управляющему акцизными сборами, чтобы акціи Общества Каменноугольной Промышленности Московскаго Бассейна впредь ни за какую цѣну не принимались. Для Рыкова это былъ страшный ударъ. Говорятъ, онъ чуть не рвалъ на себѣ волосы и былъ до крайности обозленъ, почувствовавъ себя въ положеніи Кречинскаго въ извѣстной комедіи Сухово-Кобылина. Въ прошломъ году въ Русской Старинѣ были напечатаны воспоминанія Хросцицкаго, который рассказываетъ эту исторію и приписываетъ себѣ инициативу разоблаченія рыковской махинаціи. Между тѣмъ онъ игралъ во всемъ этомъ болѣе, чѣмъ второстепенную роль, что вѣствуетъ между прочимъ изъ показанія Федора Федоровича Альбанова слѣдователю, гдѣ онъ заявляетъ прямо, что надзиратель донесъ Управленію Акцизными Сборами „по настоянію его, Альбанова и бывшаго тогда помощникомъ акцизнаго надзирателя Селиванова.“ (Ibid. ч. II-я стр. 331). Впрочемъ въ своемъ показаніи слѣдователю Хросцицкій самъ же говоритъ категорически, что скопинскіе чиновники акцизнаго вѣдомства дали знать управляющему, что Общество Каменноугольной Промышленности Московскаго Бассейна давно уже прекратило разработку каменнаго угля, вслѣдствіе чего акціи Общества рѣшительно никакой цѣны не имѣютъ. Вслѣдствіе этого Акцизному Управленію предстояло провѣрить справедливость этихъ свѣденій путемъ негласнаго дознанія, производство котораго, было поручено ему, Хросцицкому. (Ibid. часть 1-я стран. 407). Кроме того я могу привести здѣсь выписку изъ сохранившагося у меня отвѣтнаго письма Фотіева отъ 24 октября 76 года, гдѣ онъ

писать; по письму Вашему отъ 9-го рѣшили произвестъ дознаніе нарочно чрезъ одного изъ нашихъ (т.-е. ревизора) а затѣмъ 28 декабря 1876 года овъ сообщаетъ мнѣ, что на дняхъ въ отвѣтъ на посланное 21 декабря письмо получена телеграмма, запрещающая принимать акціи въ залогъ“.

Мы разумѣется съ Альбиановымъ торжествовали, да и Микулинъ былъ радъ, что ему благополучно сошло его выступленіе на арену борьбы съ общимъ для всѣхъ порядочныхъ людей врагомъ. Но мнѣ казалось мало этого торжества. Хотѣлось болѣе широкой огласки дѣятельности Рыкова вообще, дабы предупредить массу ни въ чемъ невинныхъ владчиковъ Скопинскаго Банка, которые отовсюду посылали сюда свои иногда послѣднія сбереженія. Притокъ вкладовъ былъ настолько великъ, что казалось ему не будетъ конца. Вклады поступали изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи. Слава Скопинскаго Банка гремѣла по всей Россіи. Ни одинъ другой банкъ не давалъ такихъ высокихъ 0/о на вкладъ, что разумѣется соблазняло многихъ и ни кому не приходило въ голову, что всѣ поступающія въ Банкъ деньги растрачиваются Рыковымъ и К^о самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Нельзя сказать, что бы общая пресса замалчивала о рыковскихъ дѣянiяхъ. Нерѣдко появлялись предостерегающія корреспонденціи или статьи въ разныхъ газетахъ, но и Рыковъ не дремалъ. У него были повсюду агенты, которые слѣдили за появленіемъ опасныхъ для него статей и немедленно же принимались мѣры къ тому, чтобы если нельзя заранѣе выкупить изъ портфеля нежелательную статью, то помѣстить своевременно опроверженіе, которое ослабило бы эффектъ появившагося въ газетахъ разоблаченія.

Подкупались, если было возможно и редакторы періодическихъ изданій. Весьма подозрительны были сношенія Рыкова съ редакторами Виржевыхъ Вѣдомостей Трубиновымъ и Московскаго Телеграфа Родзевичемъ, которымъ былъ открытъ кредитъ въ Скопинскомъ Банкѣ. Но въ особенности скомпрометировалъ себя извѣстный редакторъ Современныхъ Извѣстій Гиляровъ — Платоновъ, оказавшійся должникомъ Банка по векселямъ на сумму 9350 руб. Скомпрометировалъ овъ себя главнымъ образомъ тѣмъ, что въ одномъ изъ августовскихъ номеровъ своей газеты за 1882 годъ было напечатано неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ извѣстіе о прочномъ положеніи дѣлъ Скопинскаго Банка и опроверженіе извѣстій прочихъ русскихъ газетъ, указывавшихъ на полную несостоятельность Скопинскаго Банка но это было уже не

задолго до краха его. Не может быть никакого сомнѣнія, что Гиляровъ—Платоновъ впутался въ рыковскія плутни, что называется „какъ куръ во щи“, совершенно безъ дурного, а тѣмъ болѣе преступнаго умысла. Всѣ, знавшіе хорошо этого честнѣйшаго человѣка должны повѣрить тому объясненію, которое имъ дано слѣдователю по этому поводу. Привожу его цѣликомъ. „Познакомился я, говорить Гиляровъ Платоновъ съ Рыковымъ въ 1868 или 1869 году, точно не припомню, по слѣдующему поводу, Рыкову нужно было послать телеграмму на имя кого то изъ высочайшихъ особъ съ извѣщеніемъ о какомъ—то пожертвованіи. Если память мнѣ не измѣняетъ, телеграмма назначалась къ государу наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему государю императору. Рыковъ, затрудняясь ея составленіемъ, явился ко мнѣ, помнится, съ готовою редакціею телеграммы, недовольно складною. по его мнѣнію, я находилъ тоже и по просьбѣ его составилъ для него новую. Рыковъ очень благодарилъ, спросилъ, чего стоитъ мой трудъ, и когда я сказалъ, что ровно ничего, то въ этотъ ли разъ, въ другой ли, когда онъ счелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ визитъ, онъ сказалъ мнѣ, что можетъ въ свою очередь быть полезенъ мнѣ кредитомъ. Причемъ объяснилъ удобства этого кредита: а) небольшой сравнительно процентъ, б) необязательность возврата капитала, вексель можно возобновить, лишь бы уплачены были проценты. Для выполненія формальности требовался бланкъ чейнибудь. Поблагодаривъ за предложенія, я сказалъ, что обращусь за одолженіемъ въ случаѣ нужды. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я послалъ ему вексель, переписавшись предварительно съ нимъ, любъ ли будетъ ему бланководписатель. Этимъ бланководписателемъ, былъ редакторъ Русской Мысли Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ. (Ibid. часть 1-я стр. 88—89). Того происхожденіе перваго векселя въ 5000 рублей. Второй вексель позднѣйшаго происхожденія, кажется 1875 года. Векселя эти показывалъ Гиляровъ, переписывались, проценты мною посылались (за исключеніемъ одного случая по четырехъ тысячному векселю). Какъ векселя, такъ и проценты посылались мною Рыкову и отъ него же получались старыя векселя, по полученіи имъ отъ меня новыхъ—съ процентами. Бланководписатели ни отъ меня, ни отъ Банка, ни отъ Рыкова денегъ не получали, равно и я отъ нихъ. Я въ свою очередь съ Банкомъ непосредственно сношеній ни разу не имѣлъ, зная одного Рыкова и даже недостовѣранный достаточно, въ какомъ смыслѣ вносилъ самъ Рыковъ ихъ въ Банкъ—въ качествѣ ли просто директора или вмѣстѣ и поручителя. Въ пер-

вые годы знакомства Рыковъ бывалъ у меня съ визитомъ ежегодно, между прочимъ за помощью въ литературномъ изложеніи, не помню чего, отчетовъ или рѣчей. Когда слъчалось разговаривать о положеніи Скопинскаго Банка, Рыковъ ни однимъ словомъ ни когда не доваля понять, чтобы дѣла были плохи. Напротивъ, не безъ самодовольства, рассказывалъ объ улучшеніяхъ, которыя произведены въ городъ на банковыя средства; о заведеніяхъ основанныхъ тоже при помощи Банка, и вообще доваля понять объ избыткѣ средствъ. Съ просьбами о рекламѣ въ пользу Скопинскаго Банка, или о какихъ либо статьяхъ по банковскому дѣлу вообще Рыковъ никогда ко мнѣ не обращался.

Отчеты Скопинскаго Банка печатались въ Современныхъ Извѣстіяхъ на обыкновенномъ коммерческомъ основаніи, какъ всякое другое объявленіе въ газетѣ, при чемъ Банкъ оказывался весьма аккуратнымъ и своевременномъ въ платежѣ. Бывали присылаемы отъ Рыкова въ разное время двѣ или три статьи фактическаго содержанія. Нѣкоторыя изъ нихъ помѣщались, въ другихъ отказывалось. Объ одной изъ такихъ статей, представленныхъ отъ Рыкова, но не напечатанныхъ, не смотря на его просьбу, оповѣстилъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ какой то борщикъ, служившій прежде въ типографіи Современныхъ Извѣстій, а теперь гдѣ то въ Петербургѣ и теперь по случаю краха вспомнившій исторію, какъ Рыковъ напрасно обращался въ редакцію. Самъ Рыковъ мнѣ всегда казался развитымъ не въ мѣру полученнаго имъ образованія человѣкомъ со смысломъ такъ сказать „машистымъ“, т. е. склоннымъ братьяся слишкомъ за многое, даже и не посламъ и не по средствамъ.

Въ послѣдніе три, четыре года можетъ быть и болѣе, я лично Рыкова уже не видалъ но въ редакцію начали приходиться корреспонденты съ намеками на сомнительное положеніе Банка. Я ихъ въ ходъ не пустил, не желая дискредитировать Банкъ, можетъ быть напрасно, но я написалъ Рыкову письмо, въ которомъ просилъ его вернуть ко мнѣ, когда будетъ въ Москвѣ. Я намѣревался распросить его и при случаѣ предостеречь, чтобы не доваля навода къ неблагоприятнымъ с ухамъ. Какъ теперь оказывается, предостереженіе мое было бы уже запоздавшимъ, Рыковъ у меня и былъ послѣ моего письма, но не засталъ дома; такъ я его и не видѣлъ. Въ послѣднее время передъ самымъ крахомъ, получена была отъ него ли, отъ другого ли но во всякомъ случаѣ за аффиціальную подписью очень подробная телеграмма, разувѣрившая въ беспорядкахъ, которые преписывались Банку.

„Благодѣтельное учрежденіе“, Рыковъ находился въ Петербургѣ, куда

Въ телеграммѣ прибавлено было, чтобы, она напечатана была въ день полученія. Этого не было мною сдѣлано и на другой день явился ко мнѣ кто то, не отъ имени самого Рыкова, а отъ имени какого то купца, пріятеля Рыкову съ повтореніемъ просьбы о напечатаніи телеграммы. Это присланное лицо объяснило мнѣ возникшіе толки мѣстными дрязгами и на вопросъ мой вырази'o догадку, что можетъ быть какія нибудь мелкія несправности и есть, но дѣло противною партією раздута. По правилу, вообще отдавать предпочтеніе тому, кто поддерживаетъ доброе имя, а не тому, кто дискредитируетъ, и въ виду притомъ официальной подписи, я напечаталъ телеграмму; а затѣмъ явилась одна или двѣ телеграммы и даже не за рыковскою, но за чьею то другого официальной подписью, и при томъ официально засвидѣтельствованною. Я ихъ напечаталъ также, но уже выразилъ печатно сомнѣніе въ ихъ достоверности, указавъ на неопредѣленность выражений телеграммы". (Гір часть II-я стр. 89—90). Такъ объяснялъ появленіе инкриминируемыхъ редактора „Современныхъ Извѣстій“ сообщеній самъ Гиляровъ Платоновъ. Повторяю, едвали возможно ему не довѣрять.

Я слышалъ между прочимъ рассказъ такого рода: одинъ казаскій врачъ, любитель математическихъ выкладокъ, заинтересовался дѣятельностью Скопинскаго Банка и на основаніи изученія балансовъ и отчетовъ Банка вывелъ съ полною наглядностью о неизбѣжности близкаго банковскаго крушенія. О своихъ выводахъ онъ сообщилъ Рыкову и предложилъ ему пріобрѣсть у него за деньги въ собственность его рукописный трудъ, который онъ предполагалъ напечатать въ какомъ либо изъ періодическихъ изданій. Рыковъ вызвалъ этого господина въ Пегербургъ, гдѣ они съѣхались въ особомъ кабинетѣ какого то ресторана и тамъ послѣ сытнаго обѣда, за счетъ конечно Рыкова, послѣдній заключилъ съ авторомъ научнаго изслѣдованія сдѣлку о пріобрѣтеніи у него Рыковымъ этой статьи за 5 тысячъ рублей.

Все это было предметомъ тогдашнихъ разговоровъ въ скопинскомъ обществѣ, и я, разумѣется, сочувствовалъ всему, что могло послужить къ пораженію и посрамленію Рыкова. Тѣмъ не менѣе я не могу сказать, чтобы мое личное отношеніе къ Рыкову было вполне опредѣленно и ясно. Въ своемъ дневникѣ, хоторый я тогда, съ большими перерывами велъ, было отмѣчено слѣдующее: „я часто задаю себѣ вопросъ, какое а имѣю нравственное основаніе дѣлать подвохи Рыкову?

Я съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ не состою, даже не знаюмъ съ нимъ. Всѣхъ его дѣлъ навѣрное не знаю. Извѣстны онѣ мнѣ только по слухамъ. Правда, я вѣрю въ истину этихъ слуховъ и глубоко возмущенъ подлостью Рыкова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я сознаю, что Рыковъ много сдѣлалъ и дѣлаетъ добра городу. Благодаря ему городъ имѣетъ очень приличный видъ, порядочную мостовую, гостиницы, магазины... Проведена черезъ Скопинъ желѣзная дорога, основано реальное училище, имѣется очень порядочная бібліотека-читальня, въ которой получаютъ почти всѣ русскія повременныя изданія. Однимъ словомъ Рыковъ хотя и мошенничаетъ, но не только для своей личной выгоды, но и для блага общества, а слѣдовательно половина вины ему прощается. Съ точки зрѣнія утилитаризма можно ему снисходить и потому, что тѣ вклады въ Банкъ, которыя проживаются Рыковымъ—по большей части суть вклады монастырей, почему то употребленіе изъ нихъ, которое сдѣлано Рыковымъ, можно считать пожалуй наилучшимъ"... Не смотря на всѣ эти соображенія, я рѣшился однако принять участіе въ дальнѣйшей компаніи противъ Рыкова тѣмъ болѣе, что не могъ не сознавать, что его значеніе болѣе чѣмъ скромно.

Неизбѣжность краха Скопинскаго Банка была внѣ всякаго сомнѣнія и вопросъ могъ быть лишь во времени. Спасти вмѣстѣ съ тѣмъ и Рыкова не представлялось никакой возможности. И вотъ я написалъ небольшую статью, въ которой описалъ подробно всю эту исторію, при чемъ указалъ на плачевное положеніе, въ которомъ находился Банкъ наканунѣ своей полной несостоятельности. Статья безъ моей подписи была напечатана въ 4 № „Недѣли“ за 1877 г. подъ заглавіемъ: „Благодѣтельное учрежденіе“. хотя Скопинъ обозначенъ въ ней буквой С., а Каменно-угольное Общество названо „Обществомъ Каменно-угольной Промышленности Х-Вассейна“, тѣмъ не менѣе обстоятельства изложены настолько прозрачно, что ни для кого не могло оставаться подъ сомнѣніемъ, что дѣло касается Рыкова и Скопинскаго Банка. Писать болѣе открыто не представлялось возможности. Эта статья въ Скопинѣ произвела неописанный эффектъ. Читали ее нарасхватъ. Толкамъ и предположеніямъ о томъ, кто авторъ—не было конца. Спрашивали другъ друга, извѣстно ли Рыкову, кто могъ написать эту статью и вообще, какъ Рыковъ къ ней отнесется. Во время полученія 4-го № „Недѣли“, гдѣ помѣщена была статья „Благодѣтельное учрежденіе“, Рыковъ находился въ Петербургѣ, куда

взидил хлопотать о полученіи имъ званія почетнаго попечителя Реальнаго Училища.

Не смотря на его отсутствіе, друзья Рыкова распорядились, чтобы этотъ № былъ изъятъ изъ Публичной Библиотеки, и библиотекарь заявилъ всѣмъ, что 4-й № не поступалъ вовсе съ почты. Тѣмъ изъ меня нѣсколько экземпляровъ 4-го № ходили по рукамъ и даже нашлись охотники переписать статью и распространить ее между знакомыми. Я самъ не считалъ нужнымъ никому, кромѣ близкихъ мнѣ людей, рассказывать о своемъ авторствѣ, почему Рыковъ долго былъ въ неизвѣстности объ этомъ. Догадывались о нашемъ съ Альбановымъ участіи въ этой исторіи, но большинство приверженцевъ Рыкова держалось того мнѣнія, что статья въ „Недѣль“ была написана директоромъ Реальн. Уч. Ф. Ф. Чемолосовымъ, который съ нѣкотораго времени былъ съ Рыковымъ не въ ладахъ. Первое время по пріѣздѣ въ Скопінъ директоръ дружилъ съ Рыковымъ, но затѣмъ, вида, что тотъ считаетъ себя настоящимъ хозяиномъ Училища, сталъ ему заявлять при случаѣ свои права. Это Рыкову не понравилось и начались стычки. Дѣло доходило до такихъ курьезовъ: назначаетъ директоръ всенощную въ субботу въ училищной домово́й церкви. Собирается публика. Но Рыковъ, состоящій церковнымъ старостою не даетъ свѣчей и запрещаетъ священнику служить. Публика, не дождавшись всенощной поневолю расходится. Директоръ вздумалъ перехитрить врага и распорядился, чтобы въ домово́й церкви служилъ законоучитель Реальнаго Училища. Назначается всенощная. Опять собирается публика и снова расходится, не дождавшись, такъ какъ Рыковъ не отпустилъ изъ своей Никольской церкви ни дьякона, ни псаломщика. Директоръ обратился съ жалобой по началству, но и Рыковъ не дремалъ. Онъ также собралъ подписи къ коллективному прошенію отъ скопинскихъ гражданъ куда слѣдуетъ, чтобы смѣстить беспокойнаго директора. Я не помню теперь, удалось ли это Рыкову въ то время, но не мудрено, что удалось, судя потому, какіе ходы имѣлъ Рыковъ ко всѣмъ властямъ имущимъ. Не говоря уже о губернаторахъ, сначала Болдарева, затѣмъ исправляющаго его должность вице-губернатора Волкова, которыхъ онъ держалъ можно сказать въ рукахъ съ помощью банковскаго кредита, но и министры не стѣснялись быть вредителями Банка. Такъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой одно время былъ земщикомъ въ Банѣ по вокселю на 70 тысячъ рублей съ поручительствомъ никому неизвѣстнаго мѣщанина

г. Скопина — владѣльца полуразвалившейся хибарки. Рыковъ обыкновенно обращался къ высокопоставленнымъ лицамъ съ просьбою сдѣлать честь Банку взять изъ него какую либо крупную сумму по векселю.

Я лично съ Рыковымъ не былъ знакомъ, если не считать за знакомство, что насъ представили другъ другу въ домѣ матери моей будущей жены Овчинниковой не задолго до моей женитьбы. Мы обмѣнялись рукопожатіемъ и только. Онъ на меня произвелъ скверное впечатлѣніе своей неуклюжей, толстой и громадной фигурой типичнаго кить-китыча, едва вмѣщавшагося въ креслахъ. Говорить онъ былъ не мастеръ и изысканностью манеръ не отличался. Трудно было понять, чѣмъ онъ могъ внушить къ себѣ симпатію со стороны высокопоставленныхъ особъ, если только здѣсь можно говорить о симпатіи для объясненія того значенія, которое приобрѣлъ Рыковъ въ высшихъ сферахъ. Въ 1877 году я былъ переведенъ на службу въ городъ Егорьевскъ и уѣхалъ изъ Скопина. Мнѣ пришлось побывать въ Скопинѣ только въ 1882 году послѣ постигшаго Скопинскій Банкъ краха и привлеченія Рыкова въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ этомъ Банкѣ, гдѣ оказалась растрата на сумму 12 милліоновъ. Рыковъ былъ разумѣется арестованъ и заключенъ въ тюремный замокъ, сначала въ Скопинѣ, потомъ въ Рязани. Послѣ разбирательства дѣла въ Московской Судебной Палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей Рыковъ конечно былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ ссылке на поселеніе въ Сибирь, гдѣ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ и умеръ, всеми оставленный, забытый и многими проклинаемый. Семья его не согласилась сопровождать его и осталась въ Скопинѣ.

Помню, что вскорѣ послѣ ареста Рыкова, когда я былъ въ Скопинѣ, меня непріятно поразило то отношеніе со стороны городского общества, которое было выказано Рыкову. Не только большинство тѣхъ, кто передъ нимъ раболѣпствовалъ и преклонялся, злорадствовало, смѣялось и выражало какое-то торжество, что Рыковъ наконецъ то попалъ въ кѣтку, хотя по справедливости, многихъ слѣдовало-бы посадить вмѣстѣ съ нимъ за участіе въ темныхъ рыковскихъ дѣяніяхъ, но всякій старался открыто какъ-бы лягнуть Рыкова, напоминая ослиное ляганіе льва въ извѣстной крыловской баснѣ, хотя самъ Рыковъ и не походилъ на льва. Мнѣ было противно это видѣть. Досадно было и то, что вмѣстѣ съ Рыковымъ пострадали сравнительно

мелкія сошки или менѣе виновныя, тогда какъ были господа, крупно-замѣшанные въ хищеніяхъ, но оказавшіеся въ сторонѣ, благодаря своему большому уму и ловкости. Къ этимъ господамъ принадлежалъ запримѣръ, купецъ П., который, какъ увѣряли, получалъ отъ Рыкова въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ по 12 тысячъ въ годъ за то только, чтобы онъ молчалъ въ Думѣ и не возбуждалъ вопроса о злоупотребленіяхъ въ Банкѣ.

Долгое время торгово-промышленная жизнь въ Скопінѣ находилась въ застоѣ. Многіе не рѣшались обнаружить свои капиталы, опасаясь ответственности за несостоятельность Городского Общественнаго Банка и только по немногу стали возобновляться временно прекратившія свою дѣятельность торговыя заведенія, и мало-по-малу все по прежнему вошло въ свою колею.

Озлобленіе къ Рыкову постепенно сгладилось и въ настоящее время его имя утратило свое прежнее, приводившее въ ужасъ и фатальное для судьбы многихъ горожанъ, значеніе и сдѣлалось просто нарицательнымъ для обозначенія весьма ловкаго мошенника и самодура.

А. Селивановъ.